

С. В. Махортых

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ХРОНОЛОГИИ РАНЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена историографическому обзору некоторых наиболее важных работ последних 20 лет, в которых рассматривается хронология памятников раннескифской культуры на юге Восточной Европы.

Ключевые слова: юг Восточной Европы, древний Восток, раннескифская культура, хронология и периодизация.

Изучение хронологии раннескифских древностей юга Восточной Европы относится к числу актуальных задач современного скифоведения. Вместе с тем, в этой области научного знания остается еще много нерешенных вопросов. Особенно это касается обоснования выделения, а также анализа конкретного содержания различных этапов раннескифской культуры.

Предлагаемая статья посвящена обзору наиболее заметных, с моей точки зрения, работ, опубликованных за последние два десятилетия и посвященных рассмотрению хронологии памятников раннескифской культуры на юге Восточной Европы.

Этот историографический экскурс необходимо начать со статьи И.Н. Медведской [Медведская, 1992, с. 86 — 105], а также откликов, появившихся на эту работу, вызвавших оживленное обсуждение на страницах журнала «Российская археология» в 1992—1994 гг. Развернувшаяся дискуссия была посвящена актуальным проблемам раннескифской истории и культуры, среди которых вопросы хронологии памятников скифской архаики имели приоритетный характер.

Смысл предлагаемой работы, по мнению И.Н. Медведской, заключается в привлечении древневосточных материалов для уточнения хронологии раннескифской культуры (далее —

РСК) через выявление набора инвентаря, адекватного выделяемым этапам РСК в ближневосточных комплексах и обнаружение связанных с этими комплексами абсолютных хронологических реперов как археологических, так и исторических [Медведская, 1992, с. 86, 87].

По мнению Д.С. Раевского, на практике предложенная логическая схема автором не выдержана. С одной стороны, согласно И.Н. Медведской скифские материалы, найденные на территории Ирана и Турции, показывают, что РСК представлена там своим вторым этапом. С другой же стороны, исходя из мнения, что культура кочевников (и киммерийцев, и скифов) была единой, без заметных отличий, исследовательница видит в восточных свидетельствах о пребывании киммерийцев в Передней Азии уже около 720 г. до н. э. доказательство существования скифской культуры, ее I этапа, в последней трети VIII в. до н. э. Таким образом, относительная и абсолютная хронология ближневосточных комплексов скифского облика и толкование вопроса о времени проникновения кочевников на территорию древнего Востока в статье И.Н. Медведской, оказываются между собой практически не связанными. И далее, «построение хронологической шкалы, чтобы быть вполне корректным, должно быть совершенно свободно от априорного предпочтения какого-либо из существующих альтернативных толкований тех моментов, само осмысление которых зависит от результатов предпринимаемого хронологического анализа и может явиться лишь его следствием» [Раевский, 1992, с. 80, 81].

Близкой точки зрения придерживается и М.Н. Погребова, отмечающая, что при датировке скифских археологических комплексов, найденных на территории Передней Азии, И.Н. Медведская исходит, в первую очередь, из

анализа письменных источников и восстанавливаемой на их основании политической ситуации и места в ней скифов. Но даже если и принять вывод автора, придется признать, что к анализу собственно археологического материала, т. е. поставленной в статье цели, он вообще не имеет отношения [Погребова, 1993, с. 87].

Таким образом, задача уточнения хронологии раннескифской культуры на основании синхронизации археологических комплексов с ближневосточными находками выявилась трудноразрешимой. В отличие от юга Восточной Европы, где памятники РСК известны нам по всем этапам ее развития, то «немногочисленные», по выражению И.Н. Медведской, скифские древности на древнем Востоке представлены лишь ее одним этапом, связанным с непродолжительным пребыванием там скифов в царствование Асархаддона [Медведская, 1992, с. 95, 105]. В связи с этим, выявление адекватного более раннего и более позднего скифского вещевого набора в ближневосточных комплексах и проведение между ними какой-либо корреляции представляется проблематичным.

Следует также отметить отсутствие в работе И.Н. Медведской анализа древневосточных импортных предметов, обнаруженных в раннескифских памятниках Северного Кавказа и лесостепного Приднепровья (Келермес, Нартан, Перепятыха и др.) и имеющих чрезвычайно важное значение для уточнения хронологии РСК.

И.Н. Медведская, вслед за Г. Коссаком, разделяет раннескифские памятники на три хронологически последовательных этапа (фазы), между которыми намечает комплекс вещей переходного характера. Первый этап (РСК-I) она датирует — 750—700 гг. до н. э., второй (РСК-II) — 700—650 гг. до н. э.) и, наконец, третий (РСК-III) — 650—600 гг. до н. э.¹

В целом, точка зрения И.Н. Медведской о разделении раннескифской культуры на несколько этапов представляется продуктивной, хотя разработанные автором периодизация и хронология, а также перечень используемых в работе памятников и распределение их по конкретным этапам нуждаются в дополнениях и корректировке.

Предлагая датировать первый этап РСК 750—700 гг. до н. э., И.Н. Медведская исходит и из предложенной Г. Коссаком хронологической позиции новочеркасской ступени (X—VIII вв. до

н. э.). Мне, как и некоторым другим авторам, также приходилось высказываться за удревнение нижней хронологической границы новочеркасских памятников [Махортых, 1987, с. 163—166; 2005; Махортых, 1992, с. 23—29], придерживаясь, однако, при этом иных аргументов, нежели Г. Коссака, опирающийся на широкие и в целом ряде случаев неточные параллели. Так, Г. Коссака датирует погребение 38 Зандакского могильника в восточном Предкавказье не позднее X—IX вв. до н. э., считая, что найденные в нем бронзовый черешковый кинжал и корчага близки находкам из погребения 5 Высокой могилы в Северном Причерноморье. Заметим, однако, что эти аналогии не являются точными, поскольку кинжалы различаются формой лезвия и пропорциями, а корчаги имеют различную орнаментацию, оформление венчика и дна. Более того, как было отмечено А.И. Тереножкиным погребение 5 Высокой могилы относится к середине VIII в. до н. э. и является наиболее поздним среди черноморских памятников юга Восточной Европы [Тереножкин, 1976]. Следовательно, его предметы нельзя использовать для удревнения погребения 38 Зандакского могильника. Опираясь надо на новочеркасскую узду и местный кавказский материал, имеющиеся в зандакском погребении и позволяющие датировать его IX — первой половиной VIII вв. до н. э. [Махортых, 1992, с. 27].

В своих работах Г. Коссака [Kossack, 1983; 1986; 1994] удревняет погребение 14 Кисловодской мебельной фабрики, проводя аналогию между скипетром из этого захоронения и экземпляром из клада IX в. до н. э. у с. Прюдь в Венгрии. Эти скипетры сближаются изогнутой формой и зооморфным окончанием, имея, однако, существенные отличия. На кисловодском скипетре изображена голова хищника, а окончание скипетра из клада Прюдь оформлено в виде головы лошади. Втулка последнего выделена и имеет подпрямоугольную форму, второй конец оформлен в виде грибовидного обушка; все эти признаки отсутствуют у кисловодской находки. Указанные отличия не позволяют рассматривать данные скипетры как аналогичные и даже отнотипные предметы, а также делать соответствующие хронологические выводы [Махортых, 1996, с. 115].

Заметим далее, что случайный характер находки пекторали из Эшеры (Абхазия), которую Г. Коссака датирует около 1000 г. до н. э., не дает оснований для датировки этой вещи. Эту пектораль Г. Коссака сближает с находками из Пятигорья (Бештау, Султан-Гора), которые датирует уже около 800 г. до н. э. Основанием для датировки (помимо пекторалей) автор считает биметаллический кинжал, найденный в султангорском захоронении, указывая, что биметаллические кинжалы в целом известны с IX в. до н. э. Необходимо отметить, что пектораль из султангорского могильника типологически отличается от пекторалей из Эшеры и Бештау. Кроме того, биметаллические кинжалы прошли длительный путь развития и бытовали

1. У М.Н. Погребовой вызывает возражение постулируемая И.Н. Медведской одинаковая (50-летняя) протяженность всех трех этапов РСК, несмотря на то, что все они представлены разным количеством памятников, неоднозначных по объему и наполнению [Погребова, 1993, с. 86]. Следует также отметить отсутствие каких-либо объективных и надежных критериев для определения, к примеру, нижней и верхней границы РСК (соответственно 750 и 600 гг. до н. э.), равно как и обоснования причин и обстоятельств появления и исчезновения РСК.

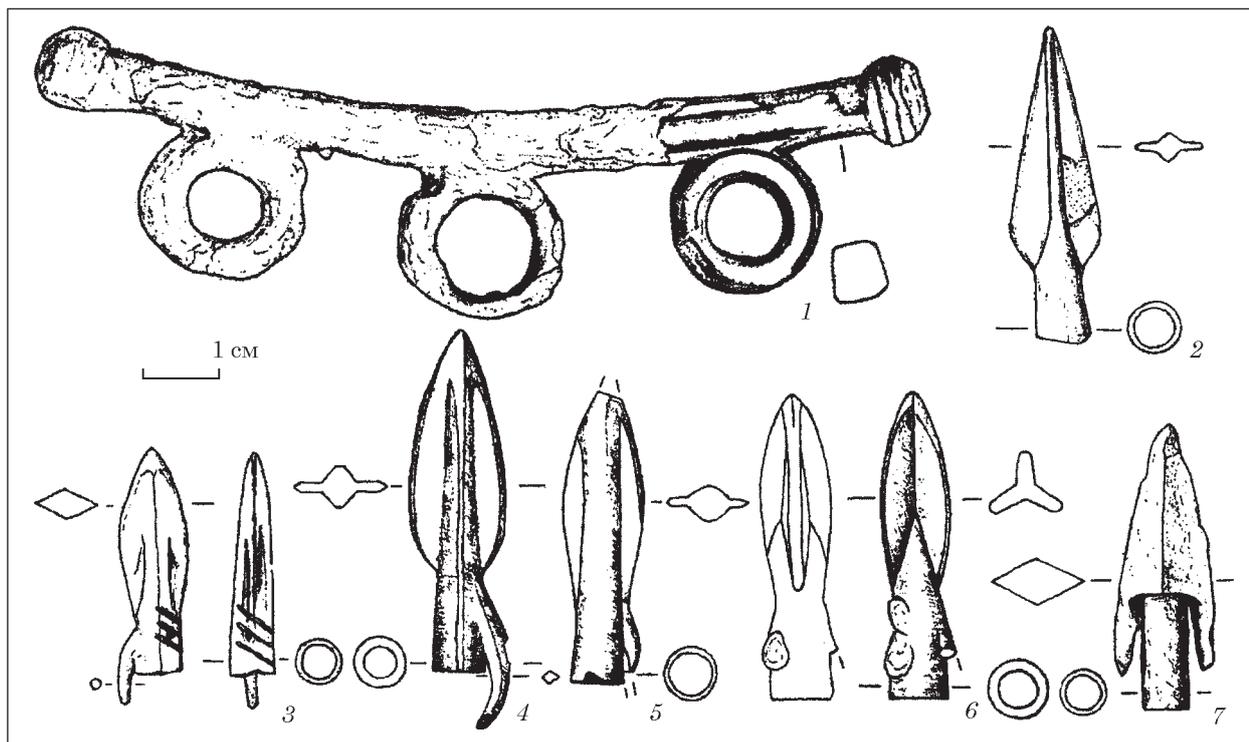

Рис. 1. Бронзовые псалий и наконечники стрел из Артемисиона в Эфесе (по: [Klebinder-Gauss, 2007])

на протяжении X—VII в. до н. э., причем наиболее древние их экземпляры отличаются от кинжалов VIII—VII в. до н. э. из султангорского и погребения 14 могильника у Кисловодской мебельной фабрики, которые Г. Коссак опять же ошибочно относит к одному типу (более подробно о типологии биметаллического оружия — см.: [Дударев, 1999, с. 93—111]). Все вышесказанное свидетельствует, что к вопросу датировки новочеркасских древностей, в том числе и определению их финальной стадии, а также использованию выводов своих предшественников необходимо относиться более основательно¹.

Что касается первого этапа РСК, по И.Н. Медведской, то здесь также имеется ряд противоречивых моментов. По ее мнению, существование этого этапа в последней трети VIII в. до н. э. подтверждается фактом проникновения в данное время на древний Восток киммерийцев, и эту культуру в первую очередь следует называть киммерийской (?). Таким образом, создается терминологическая путаница, которая не способствует решению проблемы.

И.Н. Медведская считает, что первый этап РСК является переходным между новочеркасским периодом и культурой келермесского времени, будучи скифским, прежде всего, по худо-

жественному стилю² [Медведская, 1992, с. 87]. Вместе с тем, она включает в этот этап такие памятники, как Рыжановка курган 2, Константиновка курган 375 и др., где отсутствуют какие-либо следы скифского влияния, в том числе и скифский звериный стиль³.

Вызывает также возражение вывод И.Н. Медведской и разделяющих это мнение исследователей о тождестве культуры киммерийцев и скифов, который опровергается как находками на древнем Востоке бронзовых наконечников стрел, так и уздечных принадлежностей предскифских типов (рис. 1, 1) [Махортых, 2000, с. 190, рис. 1; Klebinder-Gauss, 2007, р. 175, taf. 87, N 898, 899].

К числу недочетов можно также отнести отсутствие обоснования принадлежности используемых в работе памятников к собственно скифской культуре. В результате среди комплексов, характеризующих ее различные этапы, оказались киммерийские захоронения, поселения различных местных культур Северного Кавказа и Среднего

1. Нет никаких оснований ограничивать верхнюю границу новочеркасских памятников VIII в. до н. э., как это делают И.Н. Медведская и Г. Коссак. За помещение финальной даты новочеркасского этапа в VII в. до н. э. выступают С.Л. Дударев [Дударев, 1999, с. 169], С.А. Скорый [Скорый, 1999, с. 53—56]; А.Ю. Алексеев [Алексеев, 2003, с. 20], В.Р. Эрлих [Эрлих, 2007, с. 187] и ряд других исследователей.

2. Следует заметить, что есть основания говорить о распространении архаических зооморфных мотивов (голова коня или птицы с загнутым клювом, изображения копыт на лопастях псалий и пр.) в Восточной и Центральной Европе независимо от центрально-азиатских прототипов не только в киммерийский период, но и эпоху поздней бронзы [Эрлих, 1990, с. 247—249; Махортых, 1996а, с. 229].

3. И.Н. Медведская также одновременно относит погребение 1 кургана 373 и погребение 3 кургана 375 у с. Емчиха к комплексам, определяющим I и II этапы РСК, а курган 346 у с. Орловец к I этапу и переходной группе от I ко II этапу [Медведская, 1992, с. 87—89, 92].

Поднепровья и пр. (Константиновка курган 375, Келермесский грунтовый могильник, Сержень-Юрт, Тарасова Гора и др.). Построение периодизации скифской культуры на материалах инокультурных памятников, не имеющих к ней прямого отношения, является некорректным¹.

Далеко не полным является и перечень ведущих форм раннескифского инвентарного комплекса, используемый И.Н. Медведской при определении позиции того или иного археологического комплекса в рамках трехэтапного деления РСК. Так, среди наконечников стрел диагностирующими выявились, главным образом, лишь немногочисленные ромбические стрелы «жаботинского типа» [Медведская, 1992, табл. 1]. В числе хроноиндикаторов не оказалось предметов, связанных с колчаном, наварший и других изделий, важных для рассмотрения раннескифской хронологии.

Примечательно, что удила и псалии, занимающие ведущее положение среди различных форм раннескифского погребального инвентаря, используемого И.Н. Медведской для хронологических реконструкций, не считаются ею надежными коррелирующими признаками [Медведская, 1992, с. 88—91, 94, табл. 1].

Обращают на себя внимание и довольно общие формулировки, предложенные для некоторых категорий инвентаря, например, «мечи-акинаки», которые без уточнений и соответствующего анализа являются малопродуктивными для характеристики различных периодов раннескифской культуры.

Все это в конечном итоге не могло не сказаться на обоснованности приведенных в работе И.Н. Медведской датировок памятников различных этапов РСК как в Восточной Европе, так и в Закавказье (Келермес, Старшая могила, курган 38 Гуляй-город, погребения 27, 106 Самтавро и др.), которые не получили поддержки у большинства исследователей [Галанина, 1994; Курочкин, 1994, с. 117, 118; Погребова, 1993, с. 85, 86].

Следует также привести высказывание Д.С. Раевского о том, что для того чтобы предлагаемая И.Н. Медведской хронологическая шкала выглядела убедительной и была корректной, необходимо создание достаточно дробной и обоснованной типологии различных категорий инвентаря и построение наглядных корреляционных таблиц [Раевский, 1993, с. 80].

Г.И. Смирнова также поддержала настоятельную потребность расширения круга хроно-

логических индикаторов за счет других категорий вещей, не использованных И.Н. Медведской (например, каменные блюда, серьги, некоторые виды лощеной посуды и пр.), поскольку названные предметы при корреляции с другими типами позволяют уточнить относительную хронологию закрытых комплексов, из которых они происходят [Смирнова, 1993, с. 117].

О необходимости корректировки хронологического диапазона отдельных категорий вещей и уточнения распределения памятников по конкретным этапам РСК, выделенных И.Н. Медведской, высказался также С.В. Полин [Полин, 1998, с. 60].

При создании периодизации раннескифской культуры чрезвычайно важным является также учет региональной специфики памятников, которая зачастую обусловлена не столько хронологическими причинами, сколько территориально-производственной и культурно-исторической спецификой, в том числе, неоднородностью раннескифского племенного объединения на юге Восточной Европы².

Помимо археологической составляющей, в работе И.Н. Медведской значительное место уделено рассмотрению письменных источников, которым она придает приоритетное значение при определении абсолютных дат кочевнического инвентаря, найденного на территории древнего Востока. Однако, сам способ привлечения автором письменных документов и сделанные в результате на их основании выводы, вызвали у исследователей серьезные возражения.

Так, по замечанию С.Р. Тохтасьева, произвольное элиминирование целого круга источников о киммерийцах в Анатолии и скифах в Передней Азии во второй половине VII в. до н. э. может вызвать подозрения в предвзятости автора³. И.Н. Медведская, к сожалению, почти не учитывает особенности сохранившегося корпуса клинописных источников о киммерийцах и скифах (государственные архивы Ассирии сохранились в весьма лакунарном виде, не говоря уже о фрагментарности почти каждого документа, царские надписи, составляющиеся с целью прославить повелителя, содержат лишь тенденциозно подобранные, отредактированные данные,

2. Рассмотрение памятников VII—VI вв. до н. э. в Среднем Поднепровье позволило Г.И. Смирновой внести уточнения в перечень характерных особенностей хронологических групп раннескифских материалов на этой территории. К примеру, анализ количественного соотношения разных типов и вариантов наконечников стрел в составе стрелковых наборов Приднестровья, показал, что оно не совпадает с выводом И.Н. Медведской о преобладании на третьем этапе РСК трехлопастных наконечников с жальцами [Смирнова, 1993, с. 117].

3. Критическое замечание по поводу методического подхода, основанного на избирательном привлечении письменных документов для обоснования собственных выводов, были высказаны также Д.С. Раевским [Раевский, 1993, с. 82] и М.Н. Погребовой [Погребова, 1993, с. 87].

1. Подобные аморфность и недифференцированный подход к культурной принадлежности характеризуют и понимание жаботинского этапа, выделяемого некоторыми исследователями как на основании материалов эпонимного поселения, существовавшего на протяжении VIII—V вв. до н. э., так и одного или нескольких курганов VII в. до н. э., раскопанных у с. Жаботин. Однако, рассматривать эти памятники в рамках одной культуры нет никаких оснований.

и многие события не нашли в них никакого отражения и пр.), что в ряде случаев серьезно ослабляет ее аргументацию или приводит к ошибочным заключениям [Тохтасьев, 1993, с. 93]

Участниками дискуссии, развернувшейся вокруг проблем, поднятых И.Н. Медведской, категорически был отвергнут тезис исследовательницы о недостоверности античных письменных документов о скифах и киммерийцах на Ближнем Востоке.

По мнению Э.А. Грантовского сообщения античных источников явно противоречат положению И.Н. Медведской о том, что скифские древности Передней Азии и само пребывание там скифов предшествуют второй половине VII в. до н. э. «Скифское владычество над Азией», о котором сообщают различные древние авторы, следует признать историческим фактом. Кроме того, в античных источниках имеются и иные данные о пребывании и скифов и киммерийцев на древнем Востоке много позже середины VII в. до н. э. Отвергнуть их можно было бы, лишь отказав во всяком доверии античной традиции, что совершенно несообразно как с общими положениями классической филологии, так и с клинописными свидетельствами, подтверждающими достоверность различных данных упомянутой традиции, материалами иранистики и т. д. [Грантовский, 1994, с. 25].

Наиболее широкое распространение и влияние скифов в Передней Азии приходится, по замечанию Э.А. Грантовского, на время между второй половиной 630-х гг. и первой половиной 610-х гг. до н. э. Все это решительно расходится с выводами И.Н. Медведской, по которым скифы находились в Азии лишь в первой половине VII в. до н. э., а вернее, засвидетельствовано только их пребывание в Иране до начала мидийского восстания, в 670-х гг. до н. э. [Грантовский, 1994, с. 43, 46].

С.Р. Тохтасьев отмечает, что И.Н. Медведская, предпочитая следовать клинописным источникам во всем, обходит молчанием факты о гегемонии скифов в Азии, хотя данные, которыми располагал Геродот, значительно превосходили объем дошедших до нас ассирийских сведений о скифах как временным охватом, так и содержательно. Античные сведения о скифах в Передней Азии закрывают лауну в клинописной традиции, поэтому не достигает цели утверждение И.Н. Медведской, что клинописные источники в отличие от античных, должны иметь приоритетное значение. Этот методический принцип, являясь справедливым, конечно, лишь в самом общем виде, на практике перерастает у И.Н. Медведской в своеобразную форму гипертритики: все данные о скифах и киммерийцах, не находящие себе параллелей в клинописных источниках, объявляются не заслуживающими внимания. Эта методика распространяется и на такие факты, известные из античных авторов, которые вообще не могли отразиться в клинопис-

ных источниках (например, присутствие киммерийцев в Малой Азии как самостоятельной политической силы еще в конце VII или начале VI в. до н. э. [Тохтасьев, 1993, с. 94, 95])

И.М. Дьяконов считает вполне убедительными сообщения Геродота о кочевниках в Передней Азии [Дьяконов, 1994, с. 110, 112—113]. Им также было обращено внимание на имевшие место контакты между скифами и мидийцами во время правления царя Киаксара (вторая половина VII в. до н. э.), в результате которых последними были заимствованы скифское вооружение и скифская стрелковая тактика, о чем писала в одной из своих статей и И.Н. Медведская [Медведская, 1980, с. 34].

Не нашли поддержки у ведущих специалистов по истории древнего Востока и скифской археологии также заключения И.Н. Медведской по поздней истории Урарту и времени гибели урартских крепостей.

Согласно Э.А. Грантовскому, И.Н. Медведская полагает, что Бастам, Кармир-Блур и соседние урартские крепости были завоеваны мидянами около середины VII в. до н. э. В связи с этим отвергается и возможность политической активности скифов в тех же районах. Но эти и связанные с ними положения должны быть безусловно отвергнуты, так как не соответствуют вполне определенным сведениям по истории Мидии и ее завоеваний [Грантовский, 1994, с. 45]. В связи с данными клинописных текстов по исторической географии можно утверждать, что районы Бастама и Кармир-Блура были недоступны для мидян, пока те не покорили Манейское царство. Последнее могло быть подчинено мидянами не ранее 616 г. до н. э., а покорение ими основных урартских земель происходило, очевидно, после 610 г. до н. э. Таким образом, ситуация, когда царства Урарту и Манна были подвластны Мидии, а сама она являлась наиболее значительной и грозной силой на Переднем Востоке, соответствует концу VII — началу VI вв. до н. э. [Грантовский, 1994, с. 46].

Близкого мнения придерживается и И.М. Дьяконов, который отмечает спорность тезиса о тотальной гибели Урарту в середине VII в. до н. э. И далее «До того, чтобы уничтожить Урарту, Мидии было еще далеко, и даже завоевание урартской восточной периферии (того же Бастама), как это и считает И.Н. Медведская, еще не означало гибели всего Урарту» [Дьяконов, 1994, с. 113]. Если разрушение Бастама действительно произошло при Русе II, то это событие не было синхронно гибели ни Тейшебаини, ни Тушпы. Тейшебаини не погиб при Русе II и пережил после него три царствования [Дьяконов, 1994, с. 115].

Тезис о тотальной гибели Урарту в середине VII в. до н. э. представляется сомнительным и М.Н. Погребовой. Даже уничтожение его как целостного образования не предполагает немедленной гибели всех его центров, и гибель такого

северного форпоста, каким является Тейшебаини, отнюдь не обязательно должна совпадать по времени с разрушением Бастама. Приведенные соображения не позволяют М.Н. Погребовой согласиться и с выводом о кратковременном, эпизодическом пребывании скифов в Передней Азии. Сочетание «скифоидных» мотивов с урартскими вещами и восточными, в том числе урартскими, сюжетами на предметах, условно относимых к Саккызскому кладу или найденных в разных пунктах Северо-Западного Ирана, как бы их ни интерпретировать, предполагают достаточно длительное и основательное соприкосновение носителей этих традиций [Погребова, 1993, с. 88].

По мнению Д.С. Раевского, даже если согласиться с мнением, что Урарту как единого государства в конце VII в. до н. э. уже не существовало, это не влечет за собой однозначного вывода о ранней гибели всех без исключения урартских памятников, в частности Кармир-Блура, расположенного на далекой северной периферии и, вполне возможно, в последние годы существовавшего в несколько особой ситуации, что и обусловило сосредоточение там спасаемых разновременных сокровищ [Раевский, 1993, с. 82, 83].

Возражения против гипотезы И.Н. Медведской о том, что все скифские древности в урартских крепостях и вне их должны датироваться первой половиной VII в. до н. э. были высказаны и Г.Н. Курочкиным. По его данным, единственная крепость, где обнаружена большая серия раннескифских вещей — Кармир-Блур. Помимо находок с именем Русы II (685—645 гг. до н. э.), в Кармир-Блуре найдены клинописные таблички с именем Сардури III (645—625 гг. до н. э.). Даже если отвергать принятую урартологами версию о правлении после Сардури III царей Эримены и Русы III (и IV?), надписи которых тоже обнаружены в Тейшебаини, все равно Кармир-Блур погибает в эпоху Киаксара — Мадия, что, по его мнению, полностью совпадает с атрибуцией скифских вещей в этом регионе [Курочкин, 1994, с. 121].

Подводя краткие итоги рассмотрения большого исследования И.Н. Медведской, следует отметить важность публикации этой ценной по своим материалам работы, а также значительные усилия автора, направленные на поиск независимых хроноиндикаторов раннескифской культуры, опирающиеся на широкий круг разнообразных источников.

Вместе с тем, судя по имеющимся откликам на этот труд, очевидно, что разработанная И.Н. Медведской периодизация РСК нуждается в серьезной корректировке и дополнениях, в том числе и с привлечением новых, появившихся за последние годы материалов, которые позволят вывести эту актуальную проблему раннескифской археологии на качественно новый уровень.

Конец XX — начало XXI вв. ознаменовались появлением ряда важных работ, посвященных публикации таких опорных для скифской ар-

хаики памятников как Келермесские и Краснознаменские курганы на Северном Кавказе, а также обобщающих исследований регионального характера, направленных, в частности, на изучение территории Днепровского лесостепного Правобережья.

Важной вехой в исследовании хронологии раннескифской культуры стало полное издание материалов Келермесского курганного могильника, подготовленное Л.К. Галаниной [Галанина, 1997]. Тщательный анализ коллекции конского снаряжения из Келермеса позволил исследовательнице наметить хронологическое соотношение отдельных погребальных комплексов, а также значительно скорректировать абсолютную дату группы в целом [Галанина, 1997, с. 178]. Старейшими в возрастном отношении памятниками, по ее мнению, являются курганы 1 и 2, исследованные Н.И. Веселовским, где классические формы конского оснащения сочетаются с пережиточными элементами новочеркасской поры. Исходя из этих данных и учитываемая присутствие среди них вещей, сходных с находками из могильника Красное Знамя в Центральном Предкавказье, она отнесла самые ранние келермесские усыпальницы и соответственно начало функционирования самого могильника, к рубежу второй — третьей четверти VII в. до н. э., приблизительно к 660—640 гг. до н. э.

Отличие в составе конского снаряжения из келермесских комплексов, исследованных Н.И. Веселовским и Д.Г. Шульцем, было расценено Л.К. Галаниной как показатель небольшого временного интервала между этими погребениями, а также послужило основанием для выделения старших и младших в возрастном отношении курганов Келермеса.

По мнению Л.К. Галаниной, дату Келермесских курганов 1, 3 и 4, расположенных Д.Г. Шульцем, в пределах второй половины VII в. до н. э. позволяют уточнить выявленные там колчаные наборы, а также довольно многочисленные предметы престижного характера (диадема, серебряные зеркала, ритоны, и пр.), основу которых составляют находки импортной торевтики эпохи Ашшурбанипала (рис. 2.) Вместе с тем, целый ряд привозных вещей из Келермеса, не поддается пока что более узкой датировке, чем вторая половина VII в. до н. э., что нельзя не учитывать при определении верхнего хронологического рубежа этой курганной группы [Галанина, 1997].

Детальное изучение келермесских материалов не позволило Л.К. Галаниной согласиться с точкой зрения Г. Коссака [Kossack, 1986, p. 130] и Н.И. Медведской [Медведская 1992, с. 88—91], неоправданно омолаживающих погребения этой группы и механически подтягивающих отдельные келермесские курганы до 700 г. до н. э. [Галанина, 1994, с. 94, 100].

Критические замечания были высказаны Л.К. Галаниной и в отношении хронологичес-

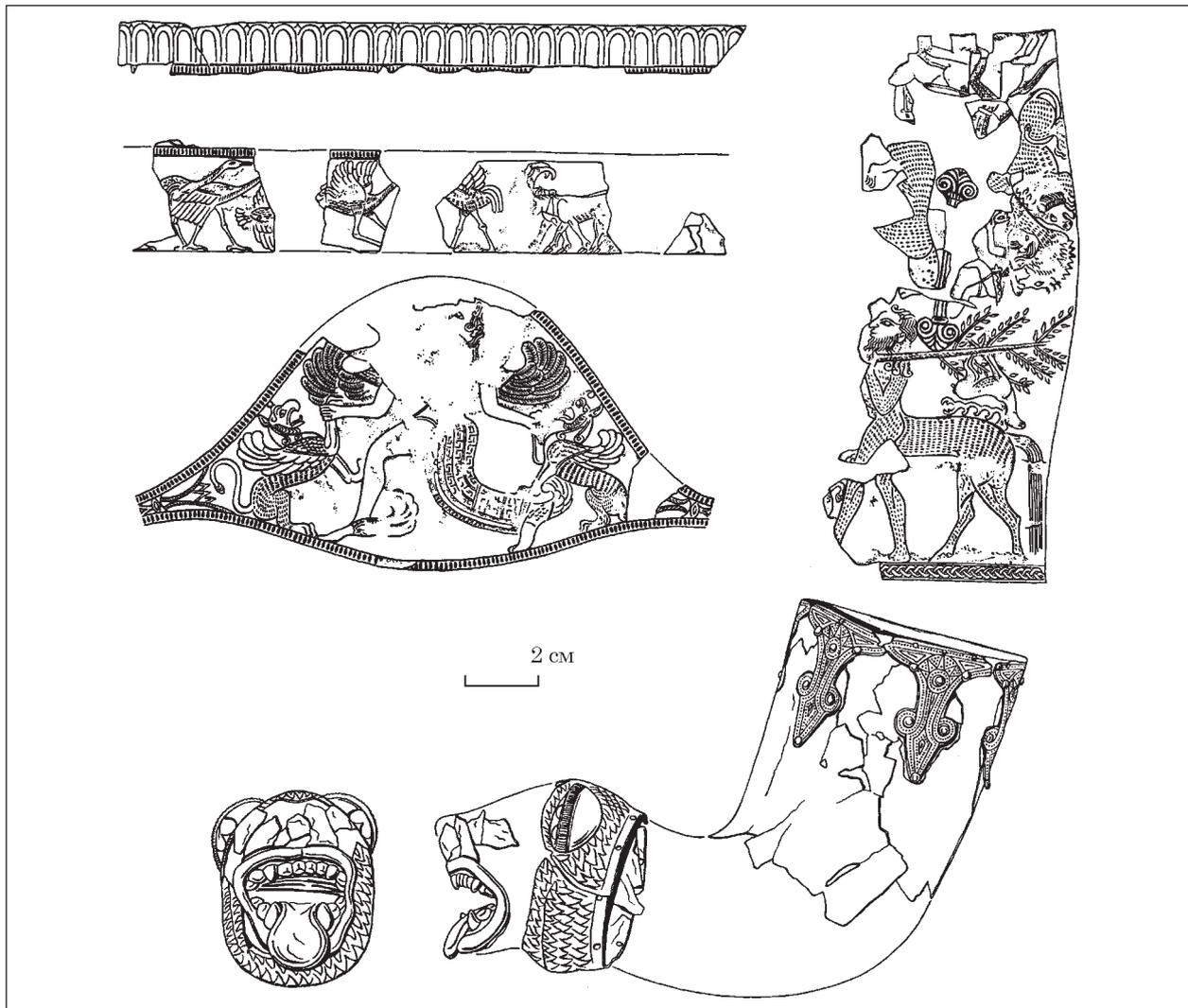

Рис. 2. Серебряные ритоны их кургана 3 Д.Г. Шульца Келермесского могильника (по: [Галанина, 1997])

ких разработок Т.М. Кузнецовой [Кузнецова 1991, с. 101—103] и В.А. Кореняко [Кореняко, 1990, с. 10], которые, отдавая приоритет не археологическим, а письменным источникам, точнее античной литературной традиции в геродотовой версии, ограничивают дату Келермеса и прочих северокавказских курганов с находками предметов позднеассирийской эпохи VI в. до н. э. [Галанина, 1994, с. 94, 95].

Еще одной важной работой, посвященной введению в научный оборот опорных памятников скифской архаики, является монография В.Г. Петренко, посвященная рассмотрению материалов Краснознаменского могильника на Ставрополье. По мнению исследовательницы, в определении хронологии комплексов Краснознаменского могильника решающую роль играют местные предметы воинского обихода, а именно вооружения и оснащения боевого коня [Петренко, 2006, с. 109]. Изучение типов наконечников стрел из Краснознаменских курганов в системе других комплексов из Предкавказья показало, что они отражают два этапа развития раннескифской культуры и могут датироваться в рамках VII в. до н. э.

К памятникам первого этапа в рассматриваемом некрополе относятся курганы 8 и 9, а также центральная, и возможно, северная гробницы кургана 1 (первая половина — середина VII в. до н. э.). Помимо наконечников стрел, эта дата подтверждается находками бронзовых двукольчатых удил, меловой колчанной застежки, золотых пронизей и керамики, орнаментированной зубчатым штампом, которые говорят о не утраченной еще связи с предскифским периодом [Петренко, 2006, с. 110].

Проанализировав остатки деталей колесницы из южной гробницы кургана № 1 с изображением передневозосточной богини Иштар, В.Г. Петренко пришла к выводу о ее возможном датировании серединой — третьей четвертью с возможным заходом в начало четвертой четверти VII в. до н. э. на основании очень близкой аналогии самому изображению и месту его размещения на дышле, имеющемся на настенном рельефе Ниневийского дворца, изображающего сцену охоты Ашшурбанипала (668—635/227 гг. до н. э.) (рис. 3) [Петренко, 2006, с. 108—110].

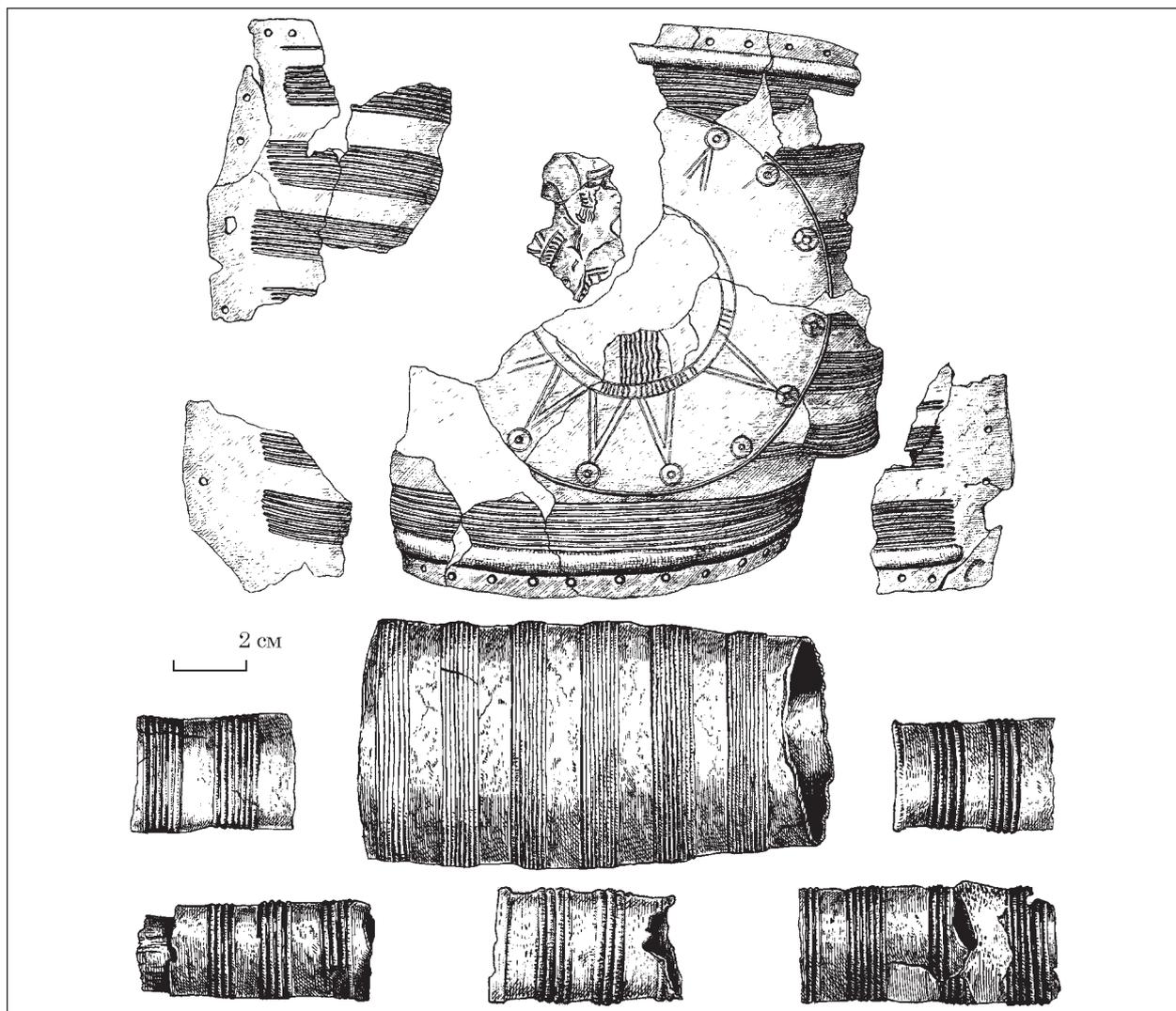

Рис. 3. Южная гробница, курган 1 Краснознаменского могильника. Бронзовые обкладки дышла колесницы (по: [Петренко, 2006])

Остальные предметы из южной гробницы (пронизи в форме головки грифобарана и когтя, изображения кошачьего хищника на «печати», уздечки с серебряными обкладками ремней, блях и налобника) обнаруживают большую близость с соответствующими предметами из курганов 1/В, 2/В, 19, 24 Келермесского могильника и из курганов 13, 14, 18, 20—22 могильника Нартан.

Курганы 3 и 6 Краснознаменского могильника В.Г. Петренко датирует в пределах второй половины VII в. до н. э. [Петренко, 2006, с. 112].

В первом из них уздечный набор полностью повторял набор уздечек южной могилы кургана 1. Там были найдены абсолютно тождественной формы удила, железные трехпетельчатые псалии, бронзовые столбики для перекрестных ремней, палочки-застежки и ворворка грибовидной формы. Раннюю дату кургана подкрепляет и находка в нем бронзового сосуда с зооморфными ручками.

Курган 6, благодаря выявленным там предметам (бронзовые трехпетельчатые псалии с

загнутым концом, ситилообразный сосуд с зооморфными ручками, фрагмент шлема кубанского типа) наибольшую близость обнаруживает с двумя самыми ранними комплексами в соответствующих могильниках Предкавказья: из курганов 20 у с. Нартан и 2/В у ст. Келермесской.

Время же, в течение которого производились захоронения на Краснознаменском могильнике, ограничено не более, чем 50 годами, а возможно и более коротким отрезком времени: в пределах от второй до последней четверти VII в. до н. э. [Петренко, 2006, с. 114].

Ряд заслуживающих внимания соображений по поводу датировки отдельных комплексов скифской поры в Днепровской Правобережной лесостепи был высказан С.А. Скорым [Скорый, 2003, с. 32—41]. Важно, что исследователь не просто рассмотрел хронологию тех или иных археологических памятников, а опираясь на эти разработки предложил вариант реконструкции исторической ситуации в Среднем Приднепровье в раннескифское время.

Появление скифов в Правобережной лесостепи в начале — первой четверти VII в. до н. э. маркируется архаическими захоронениями в курганах 2, 524 Жаботина, 15 Константиновки, 183 Тенетинки, 346 Теклино, 375 Емчиха, 2 Медвин [Скорый, 2003, с. 39, 74]. Эти комплексы исследователь связывает со скифами-пришельцами первой, т.н. азиатской волны из среднеазиатско-казахстанского региона, которая, по его мнению, была представлена исключительно воинскими отрядами ¹ [Скорый, 2003, с. 75, 76].

Вместе с тем, причисление С.А. Скорым к этому хронологическому горизонту захоронения в кургане близ с. Глинище в Днепровском лесостепном Левобережье представляется сомнительным, поскольку найденные в нем импортная золотая серьга «переднеазиатского» типа и зеркало с центральной ручкой в виде двух столбиков перекрытых зооморфной бляшкой, позволяют относить его ко времени близкому «старшим» Келермесским курганам. Оно, скорее всего, датируется серединой — третьей четвертью VII в. до н. э. Бронзовые наконечники стрел с шипами и пером ромбической формы, также выявленные в захоронении у с. Глинище, не могут служить основанием для разделения памятников на докелермесские и келермесские, а также ограничивать дату содержащих их комплексов серединой VII в. до н. э. [Махортых, 2014, с. 75].

Приход кочевников в Правобережную лесостепь в самом конце VII в. до н. э. или в начале VI в. до н. э. С.А. Скорый рассматривает как вторую (т.н. кавказскую) волну продвижения ираноязычных кочевников, которая была связана с завершающим этапом или окончанием скифских переднеазиатских походов [Скорый, 2003, с. 77]. Эту волну маркируют такие памятники как Репяховатая и Захарейкова могилы, курганы 406 и 407 Журовка, Флярковка, курган 100 Синявка, курган 35 Бобрица, Иванковичи, Глеваха, Офирна, Перепятыха и др.

По мнению С.А. Скорого, это была качественно новая скифская инвазия, выразившаяся во вторжении в лесостепное Правобережье не просто воинского контингента, а перемещении целых племен. Подтверждение сказанному он видит в довольно значительном проценте женских захоронений в курганах, относящихся к концу VII — началу VI в. до н. э. как на Правобережье, так и Левобережье Днестра, которые сопровождалась

бронзовыми зеркалами, каменными блюдами и другими предметами женского обихода.

Особое внимание в своей работе С.А. Скорый уделил анализу той части исследования И.Н. Медведской, в которой она рассматривает раннескифские памятники Днепровского лесостепного Правобережья (всего 28 комплексов). Серьезную озабоченность у него вызывает абсолютная хронология этих комплексов (а точнее — различие в ней), поскольку в ее основе лежит не конкретная аргументация, а стремление исследовательницы «подтянуть» даты этих памятников к выделяемому Г. Коссаком и ею этапу РСК-I (750—700 гг. до н. э.), и заполнить хронологическую лауну между древностями этого этапа и памятниками конца VII в. до н. э. [Скорый, 2003, с. 36].

Проведя сравнительный анализ вещевых наборов ряда Правобережных архаических комплексов, материалы которых использовала И.Н. Медведская (курганы 406, 407 Журовка, гробницы 1 и 2 Репяховатой могилы, курган 35 Бобрица, курган 100 Синявка и др.) С.А. Скорый пришел к выводу о их практической синхронности и отсутствии оснований для отнесения этих памятников к различным хронологическим этапам эпохи скифской архаики, отделенным друг от друга в диапазоне до 100 лет.

Для изучения хронологии раннескифского времени важным является исследование А.Ю. Алексеева [Алексеев, 2003]. В нем была предложена гипотеза о двух этапах пребывания скифов в Передней Азии, связанных с двумя поколениями кочевников: скифы «первого поколения» (царя Бартатуа) и скифы «второго поколения» (царя Мадия). Эта гипотеза построена не только на археологическом материале, но и на анализе ассиро-вавилонских и греческих источников [Алексеев, 2003, с. 114].

Время существования орды Бартатуа, по мнению исследователя, приходится на конец 70-х гг. VII в. до н. э., при этом культура скифов-ишкуда, в том числе и в плане антропоморфной скульптуры, стала доминировать лишь после их возвращения в Предкавказье приблизительно в 660-е гг. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 45, 102].

Поскольку при Ашшурбанипале упоминание имени скифов в источниках отсутствует, А.Ю. Алексеев предполагает, что приблизительно в начале правления этого царя произошел отток части кочевников к северу от Главного Кавказского хребта, с чем он связывает появление на этой территории погребений с переднеазиатскими импортными изделиями [Алексеев, 2003, с. 110].

Завершение первого этапа пребывания скифов на Ближнем Востоке А.Ю. Алексеев соотносит с серединой VII в. до н. э., что по времени совпадает с финалом формирования классической архаической скифской культуры [Алексеев, 2003, с. 22].

Что касается второго этапа пребывания скифов на Ближнем Востоке, то суммируя все весьма разноречивые хронологические указания, А.Ю. Алексеев приходит к выводу, что Мадий

1. Название «азиатская» для первой волны кочевников, продвинувшихся в лесостепные районы Украины, представляется мне не вполне удачным, поскольку распространение различных категорий раннескифской материальной культуры, связанных своим происхождением с восточными регионами Евразии (бронзовые зеркала с центральной ручкой, каменные блюда и пр.), фиксируется в раннескифских захоронениях Среднего Приднепровья не в первой половине VII в. до н. э., а в погребальных комплексах более позднего времени, связанных с проникновением на эту территорию новой волны кочевого населения.

появился в Передней Азии во время правления Киаксара, скорее всего, в пятнадцатилетие между 640 и 625 гг. до н. э. (ближе к концу этого интервала). Косвенно это следует из отсутствия сведений о скифах в ассирийских «анналах» Ашшурбанипала, позднейший из которых датируется 639 г. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 122].

Именно этот этап пребывания второго поколения скифов в Передней Азии произвел наиболее сильное впечатление на население всего обширного региона и оставил память о себе в греческой и древнееврейской литературе. Возвращение скифов после «второго похода» царя Мадия А.Ю. Алексеев относит к концу VII в. до н. э., не исключая при этом, что скифский «исход» не происходил одномоментно, и какие-то небольшие мобильные группы могли при этом проявлять значительную независимость [Алексеев, 2003, с. 154].

Исследователь также отмечает существование хронологического разрыва между двумя этапами пребывания скифов в Передней Азии, который, стал особенно ощутимым в связи с укреплением «короткой хронологии» многих династий переднеазиатских государств [Грантовский 1998; Алексеев, 2003, с. 110, 111].

В отличие от И.Н. Медведской, А.Ю. Алексеев, считает неоправданным отказ от опоры на античную традицию скифской истории в Передней Азии (в большей степени касавшуюся событий второй половины VII в. до н. э.), впрочем, как и резкое сужение рамок пребывания скифов в этом регионе. Он также выступает за помещение древностей типа Новочеркасского клада в VII в. до н. э. и доживание памятников РСК-III по меньшей мере до середины VI в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 20, 133].

Вместе с тем, суждения А.Ю. Алексеева о рубеже между архаической и классической Скифией отличаются противоречивостью. Граница, разделяющая две скифские культуры, относится им к середине, последней трети или концу VI в. до н. э. и связывается с появлением в Северном Причерноморье воинских погребений с сопровождающим инвентарем, являющимся инновацией для данной территории [Алексеев, 2003, с. 156, 162, 182, 184, 190, табл. 24]

Из работ последнего пятилетия следует отметить публикации В.Е. Маслова и Д.С. Гречко.

Статья В.Е. Маслова посвящена проблеме хронологии ключевого для раннескифской археологии памятника — Келермесского могильника [Маслов, 2012]. В ней автор предлагает отказаться от разделения материалов этого памятника на две хронологические группы. По его мнению, все находки из Келермесского могильника очень тесно взаимосвязаны и укладываются в достаточно узкий хронологический промежуток времени. Разрыв между временем возведения отдельных курганов не должен превышать одного—трех десятилетий, а в ряде случаев, возможно, и несколько лет [Маслов, 2012, с. 356].

Вместе с тем, датировка, предложенная В.Е. Масловым для Келермесского могильника в интервале 650—580 гг. до н. э., свидетельствует о его довольно длительном функционировании и предполагает выделение внутри него более древних и более молодых комплексов. В этой связи говорить о существовании единого хронологического горизонта древностей на протяжении 70 лет вряд ли является оправданным.

В.Е. Маслов вводит понятие «келермесский культурный горизонт», который может объединять ядро из взаимосвязанных синхронных древностей, представленных комплексными находками [Маслов, 2012, с. 343]. В основании этого горизонта находится комплекс с элементами колесничной упряжи (курган 2 Н.И. Веселовского). Вместе с курганом 1 Н.И. Веселовского он демонстрирует теснейшую связь с соответствующими комплексами Нартановского (курганы 20 и 22) и Краснознаменского могильников, которые имеют «новочеркасский» шлейф. При этом, нет никаких оснований для того, чтобы объявлять эти курганы «допоходными» и отрывать от остальных захоронений упомянутых выше могильников. Речь идет об очень узкой хронологической прослойке внутри келермесского горизонта, датировка которой должна колебаться вокруг датировки южной гробницы кургана 1 Краснознаменского могильника: в пределах середины — третьей четверти VII в. до н. э. Вполне возможно, что новочеркасские черты в этих комплексах, несмотря на доминирующий новый вещевой набор, вовсе не рудимент, а важнейшая культурная составляющая [Маслов, 2012, с. 350].

По мнению В.Е. Маслова, для определения хронологического положения Келермесского могильника параллели с комплексами, содержащими античные импорты (Темир Гора, курган 16 могильника Новозаведенное II), важнее имеющихся переднеазиатских импортов, поскольку последние, как правило, имеют достаточно широкие даты.

Важное значение для определения хронологии Келермесского могильника сохраняют также изображения на одном из ритонов и зеркале из курганов 3 и 4 Д.Г. Шульца, имеющие несомненные параллели среди сюжетов ориентализирующей греческой вазописи. Ближайшие аналогии сюжетам торевики среди вазописи обнаруживаются на сосудах, изготовленных в 30—20 гг. VII в. до н. э. [Маслов, 2012, с. 356]. При этом, келермесский горизонт древностей не исчезает с концом функционирования собственно Келермесского могильника. Несколько видоизменившись, он продолжает существовать в первой и второй четвертях VI в. до н. э. [Маслов, 2012, с. 356]. В.Е. Маслов, однако, не уточняет, что составляло основу этого горизонта на данном хронологическом этапе.

В заключении предлагаемого обзора, следует упомянуть работу Д.С. Гречко, посвященную рассмотрению вопросов связанных с хронологией скифских памятников VI в. до н. э. [Гречко, 2012].

Среди наиболее важных ее итогов можно назвать анализ раннескифских комплексов, сопровождающихся античной керамикой (погребение 2 Репяховатой могилы, курган 447 Журовка, курган 499 Гладковщина и др.), который позволил выделить группу позднейших раннескифских захоронений, а также поставить вопрос о финале РСК, который был определен в рамках второй—третьей четверти VI в. до н. э. [Гречко, 2012, с. 95].

Особое внимание автор уделит уточнению датировки погребения 2 Репяховатой могилы, которая была определена им двумя первыми десятилетиями VI в. до н. э., в том числе и на основании выявленной в этом погребении милетской амфоры [Гречко, 2012, с. 79]. Приоритетное значение для датирования сосудов этого типа имеют малоазиатские памятники, поскольку именно оттуда греческий импорт поступал в Северное Причерноморье. В связи с этим, следует упомянуть монографическое исследование Мартины Зайферт, посвященное рассмотрению происхождения архаической керамики, на примере амфор из Милета [Seifert, 2004]. Выявленная в Милете керамика чрезвычайно важна для уточнения хронологии причерноморских комплексов с находками близких милетских амфор в рамках первой половины VI в. до н. э., причем не только из погребения 2 Репяховатой могилы, но и зольников 5 и 28 Западного укрепления Бельского городища [Seifert, 2004, taf. 6, N 19; 22, N 59; 25, N 64; 26, N 68; Задников, 2006, с. 105—108, рис. 2—5].

Д.С. Гречко рассмотрел также вопрос датировки смены раннескифского материального комплекса среднескифским, который, по его мнению, произошел под давлением новой группы кочевников (т. н. «обладателей крестовидных блях?»), возможно скифов, которые вернулись из Передней Азии. Он полагает, что есть основания говорить о сосуществовании позднейших раннескифских и древнейших среднескифских захоронений в 560—540 гг. до н. э., т. е. около середины VI в. до н. э. [Гречко, 2012, с. 92]. Однако, здесь на себя обращает внимание ряд противоречивых моментов. Так, с одной стороны Д.С. Гречко считает, что древняя Скифия уступила место классической в середине VI в. до н. э., а с другой, определяет переходный период между раннескифскими и среднескифскими памятниками 575—525 гг. до н. э. [Гречко, 2012, с. 100, 102, табл. 1].

Следует также отметить отсутствие в работе Д.С. Гречко специального анализа ведущих категорий среднескифского инвентарного комплекса, а также обоснования принадлежности используемых в работе памятников к собственно среднескифской археологической культуре (например, Витова могила, Приднепровка, курганы 5, 8 Нартана и др.), которые другими исследователями относятся к переходной группе между скифскими архаическими и классическими древностями [Могилов, Діденко, 2009, с. 49—51].

Отмеченные нестыковки показывают, что вопрос смены раннескифской культуры среднескифской является дискуссионным и пока еще не нашел своего удовлетворительного разрешения.

Подводя итоги проделанного историографического обзора следует отметить следующее.

1. Несмотря на достигнутые успехи в изучении хронологии раннескифской культуры (работы Л.К. Галаниной, В.Г. Петренко, Э.А. Грантовского и целого ряда других авторов), эта тема по-прежнему является актуальной и нуждается в дальнейшей разработке с привлечением широкого круга разнообразных источников, имеющихся в распоряжении современной скифологии.

2. Построение единой периодизации раннескифской культуры на юге Восточной Европы предполагает создание предшествующих ей отдельных, региональных хронологических схем на этой территории.

3. Периодизация раннескифской культуры должна основываться на собственно скифских кочевнических памятниках.

4. Разделение раннескифской культуры на несколько этапов представляется продуктивным, хотя их количество и внутреннее наполнение может быть неодинаковым в различных регионах юга Восточной Европы.

5. Хронологические рамки раннескифской культуры охватывают не только VII в. до н. э., но и значительную часть VI в. до н. э.

Алексеев А.Ю. Хронография европейской Скифии. — СПб., 2003. — 416 с.

Галанина Л.К. К проблеме хронологии Келермесских курганов // РА. — 1994. — № 1. — С. 92—107.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» курганы раннескифской эпохи. — М., 1997. — 269 с.

Грантовский Э.А. О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии // РА. — 1994. — № 3. — С. 23—48.

Гречко Д.С. О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н. э.) скифской истории // Stratum plus. — 2012. — № 3. — С. 75—106.

Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифский период. — Армавир, 1999. — 401 с.

Дьяконов И.М. Киммерийцы и скифы на древнем Востоке // РА. — 1994. — № 1. — С. 108—116.

Задников С.А. Милетські тарні амфори в лісостеповому Дніпровському Лівобережжі (за матеріалами зольників № 5 и № 28 Західного укріплення Більського городища) // Більське городище та його округа. — К., 2006. — С. 105—115.

Коренько В.А. О времени появления раннескифских памятников на Северном Кавказе // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. — Ростов-на-Дону, 1990. — С. 4—15.

Кузнецова Т.М. Келермес в системе хронологии Евразии // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул, 1991. — С. 101—103.

Куручкин Г.Н. Хронология переднеазиатских походов скифов по письменным и археологическим данным // РА. — 1994. — № 1. — С. 117—122.

Маслов В.Е. К проблеме хронологии древностей ке-

лермесского горизонта // Российский археологический ежегодник. — 2012. — № 2. — С. 342—359.

Махортых С.В. О культурно-хронологической интерпретации памятников типа Новочеркасского клада // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. — Омск, 1987. — С. 163—166.

Махортых С.В. Памятки типу Новочеркасского скарбу // Археология. — 1992. — № 1. — С. 23—30.

Махортых С.В. К проблеме хронологии раннескифской культуры // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. — М., 1996. — С. 114—116.

Махортых С.В. [Рец.]: Chochorowski J. Ekspansja kimmeryjska na terenie Europy Srodkowej // PA. — 1996a. — № 1. — С. 221—230.

Махортых С.В. Об актуальных вопросах раннескифской археологии // Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология. — М., 2000. — С. 186—193.

Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. — К., 2005. — 379 с.

Махортых С.В. Об одной группе раннескифских памятников Днепровского лесостепного Правобережья // Revista Arheologica. — 2014. — Vol. X. — С. 69—78.

Медведская И.Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских степей II — первой половины I тысячелетия до н. э. // СА. — 1980. — № 4. — С. 23—37.

Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток // PA. — 1992. — № 3. — С. 86—107.

Могилев О.Д., Діденко С.В. Скифський курган 448 біля с. Журавка — пам'ятка перехідного часу в Потясминні // Археологія. — 2009. — № 3. — С. 45—54.

Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. — М., 1997. — 177 с.

Погребова М.Н. О принципах датировки скифской архаики // PA. — 1993. — № 2. — С. 84—88.

Полин С.В. О хронологии раннескифской культуры (по И.Н. Медведской) // СА. — 1998. — № 4. — С. 50—62.

Скорый С.А. Киммерийцы в Украинской лесостепи. — К., 1999. — 135 с.

Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной лесостепи. — К., 2003. — 162 с.

Смирнова Г.И. Памятники среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // PA. — 1993. — № 2. — С. 101—118.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К., 1976. — 202 с.

Тохтасьев С.Р. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // PA. — 1993. — № 2. — С. 89—97.

Раевский Д.С. О логике построения раннескифской хронологии // PA. — 1993. — № 2. — С. 79—84.

Эрлих В.Р. К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени // СА. — 1990. — № 1. — С. 247—250.

Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. — М., 2007. — 425 с.

Kleibinder-Gauss G. Bronzefunde aus dem Artemision von Ephesos. — Wien, 2007. — 309 S.

Kossack G. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. — 1983. — 5. — S. 89—186.

Kossack G. Zaumzeug aus Kelermes // Hallstattkolloquium. Veszprem 1984. — Budapest, 1986. — S. 125—139.

Kossack G. Neufunde aus dem Novocerkassker Formenkreis und ihre Bedeutung für die Geschichte steppenbezogener Reitervölker der späten Bronzezeit // Il Mar Nero. — 1994. — 1. — S. 19—54.

Seifert M. Herkunftsbestimmung archaischer Keramik am Beispiel von Amphoren aus Milet. — Oxford, 2004. — 103 S.

С. В. Махортых

СУЧАСНИЙ СТАН ВИВЧЕННЯ ХРОНОЛОГІЇ РАННЬОСКИФСЬКОЇ КУЛЬТУРИ

Стаття присвячена історіографічному огляду низки ключових робіт, в яких розглядається хронологія пам'яток ранньоскифської культури на півдні Східної Європи, і які були опубліковані протягом останніх двадцяти років. На основі проведеного аналізу, автор статті приходить до наступних висновків: незважаючи на досягнуті успіхи у вивченні хронології ранньоскифської культури (роботи Л.К. Галаніної, В.Г. Петренка, Є.А. Грантовського та ряду інших авторів) ця проблема як і раніше лишається актуальною та потребує подальшого вивчення із залученням широкого кола різноманітних джерел, що знаходяться у розпорядженні сучасної скіфології; побудова єдиної періодизації ранньоскифської культури на півдні Східної Європи потребує попереднього визначення хронологічних схем для окремих регіонів Східної Європи; періодизація ранньоскифської культури повинна ґрунтуватися на власне скіфських кочівницьких пам'ятках; поділ ранньоскифської культури на кілька етапів видається продуктивним, хоча їх кількість та внутрішнє наповнення може бути відмінним для різних регіонів; хронологічні рамки ранньоскифської культури охоплюють не лише VII ст. до н. е., але й значну частину VI ст. до н. е.

Ключові слова: південь Східної Європи, давній Схід, ранньоскифська культура, хронологія та періодизація.

S. V. Makhortykh

CURRENT STATUS OF STUDIES OF THE CHRONOLOGY OF THE EARLY SCYTHIAN CULTURE

The article is devoted to the historiographical review of a number of important works on the chronology of Early Scythian culture in the south of Eastern Europe that were published in the last two decades. Based on the review, the article comes to the following conclusions: despite the progress made in studies of the chronology of the Early Scythian culture (works by L.K. Galanina, V.G. Petrenko E.A. Grantovsky, and a number of other scholars), the topic remains relevant and requires further investigation that will involve a wide range of diverse sources available for the modern Scythian studies; establishment of a unified periodization of early Scythian culture in the south of Eastern Europe is not possible without development of regional chronological schemes for Scythian sites in this area; periodization of the Early Scythian culture should be based on nomadic Scythian sites; division of Early Scythian culture into several stages seems productive, but the number and content of these stages can vary for different regions in the south of Eastern Europe; the chronological framework of Early Scythian culture should include not only the 7th century BC, but also a significant part of the 6th century BC.

Keywords: south of Eastern Europe, the Near East, Early Scythian culture, chronology and periodization.

Одержано: 27.03.2016